

УДК 159.923

Татьяна Евгеньевна Яценко
г. Барановичи, Беларусь

Взаимосвязь виктимной деформации личности и склонности к виктимному поведению в подростковом и юношеском возрастах¹

В статье актуализирована проблема виктимного поведения учащейся молодежи. Приведены дефиниции понятий «виктимность», «виктимное поведение». Обозначены негативные социально-психологические последствия виктимности и виктимного поведения личности. Раскрыта сущность виктимной деформации личности. Приведены результаты эмпирического исследования склонности учащейся молодежи к агрессивному, зависимому, некритичному, самоповреждающему и гиперсоциальному виктимному поведению при наличии аутовиктимной, виктимной и гипервиктимной деформации личности. Выделены различия и сходство в предрасположенности к видам виктимного поведения лиц подросткового и раннего юношеского возраста, имеющих виктимную деформацию личности.

Ключевые слова: виктимность, виктимное поведение, виктимная деформация личности, подростковый возраст, ранний юношеский возраст.

Tatsiana Evgenevna Yatsenka
Baranovichi, Belarus

The relationship of personality victim deformation and penchant for victim behavior in adolescence

The article actualizes the problem of victim behavior of students. The definitions of the concepts of “victimization”, “victim behavior” are given. The negative social and psychological consequences of victimization and victim behavior of a person are indicated. The essence of personality victim deformation is uncovered. The results of an empirical study of the inclination of young students to aggressive, dependent, uncritical, self-damaging and hypersocial victim behavior in the presence of autovictimic, victimic, and hypervictim personality deformation are presented. The differences and similarities in susceptibility to the types of victim behavior of adolescents with victim personality deformation are highlighted.

Keywords: victimization, victim behavior, victim deformation of personality, adolescence, early adolescence.

В настоящее время все больше обращают на себя внимание тревожные тенденции в развитии деструктивного поведения учащейся молодежи: модификация его видов (агрессивное и жестокое поведение принимает форму киберагрессии, буллингового поведения); появление новых измерений деструктивного поведения, длительное время не становившихся объектом научного анализа и относимых к социально приемлемому поведению вследствие недостаточной изученности их разрушительных последствий, как для самой личности, так и для общества (ролевое виктимное поведение, т.е. позиционирование себя как жертвы).

Согласно О.О. Андронниковой, виктимность – это совокупность свойств человека, обусловленных комплексом социальных, психологических и биофизических условий, способствующих дезадаптивному стилю реагирования человека, приводящему к ущербу для его физического или эмоционально-психического здоровья. Виктимное поведение – отклонение от норм безопасного поведения, реализующееся в совокупности социальных, психических и моральных проявлений личности [1, с. 8].

Схожая позиция отстаивается М.А. Одинцовой, автором теории ролевой виктимности: виктимность есть «устойчивая личностная особенность, обусловленная сочетанием индивидуально-типологических, характерологических детерминант, взаимодействующих с внешними факторами, не всегда связанными с ситуациями

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках международного проекта БРФФИ-РФФИ «Психологическое сопровождение виктимной личности в подростковом и юношеском возрасте: система психологической диагностики и коррекции» (БРФФИ: № Г18Р-298; РФФИ: проект № 18-513-00010).

насилия, но способствующими виктимной активности, находящую воплощение в ролевом виктимном поведении» [3, с. 53]. Таким образом, виктимность и виктимное поведение – категории, соотносимые по параметру «потенциальное – актуальное».

Согласно Е.В. Руденскому, виктимность – это характеристика личности, отражающая дефицит субъектных качеств (социальная активность, социальная ответственность, автономность, аутентичность, самостоятельность), возникающий вследствие дисгармонии межличностных отношений [4, с. 163-164]. Виктимное поведение трактуется нами в русле субъектно-средового подхода как исполнение индивидами роли реальной / мнимой жертвы, для которой характерно неэффективное сопротивление нарушению границ своего психологического пространства и уклонение от позиции субъекта жизнедеятельности, обуславливающее их психологическую виктимизацию или ревиктимизацию в межличностном взаимодействии [12; 13].

Неполный перечень негативных последствий виктимного поведения имеет следующий вид: низкая продуктивность учебной и в последующем трудовой деятельности, антиинновационные барьеры, конфликтность и напряженность межличностных и профессиональных отношений, иждивенчество, подверженность негативным внешним влияниям, трансляция модели виктимного, агрессивного и конформного поведения как семейного сценария, ревиктимизация в различных институтах социализации, низкий уровень эмпатии, повышающий риск противоправного поведения и др.

Проведенные нами исследования позволяют констатировать, что виктимность повышает склонность личности к Интернет-аддикции как суррогатному способу удовлетворения потребностей, фрустрированных в реальной среде; обуславливает обращение к неконструктивным стратегиям совладания со стрессовыми ситуациями (применение психоактивных веществ и пр.); осложняет формирование временной перспективы личности; снижает психологическую безопасность социальной среды (воспроизводство модели отношений «жертва – преследователь» в различных социальных институтах) [11-13].

По мнению Д.А. Циринг, закрепление паттернов виктимного поведения происходит некритично и часто не осознается человеком [9]. Понимание виктимного характера поведения связано с возникновением у человека рентных установок [3]. Значит, личность может намеренно демонстрировать виктимное поведение вследствие наблюдения за его результативностью у других людей, не осознавая себя жертвой.

Виктимная деформация личности имеет следующие проявления:

– деформация ценностно-смысловой сферы: конфликтное соотношение внутренних и внешних ценностей [10], что обусловлено интроективной природой области психологического пространства личности, представленной ценностями и убеждениями. Деформация нравственной сферы проявляется в инфантильности, эгоистической ориентации, поглощенности личными проблемами, игнорировании интересов близких людей;

– деформация нравственной сферы: использование эксплуатирующих транзакций, злоупотребление жалобами и «бегство в болезнь» как способы получения власти над другими людьми и управления их жизнью. На «берущей» установке, объясняющей угодливость и покорность виктимных индивидов, демонстрацию ими своих страданий, акцентирует внимание М.А. Одинцова [3, с. 72]. Моральная деформация их личности проявляется в пренебрежении субъектной позицией других индивидов, в неаутентичном поведении;

– деформация границ психологического пространства личности: размытость, неструктурированность;

– неадекватность и амбивалентность образа «Я», диффузия идентичности: признание своей подчиненности и осознание своей власти (манипуляция) над окружающими; амбивалентное отношение к себе (непрятие себя, ощущение своей ненужности, бесполезности наряду с переживанием жалости к себе); сложность

выделения своих потребностей, чувств, эмоционального отношения к объектам действительности и другим людям.

Виктимное поведение, в случае наличия виктимной деформации личности, сопряжено с расщепленностью «Я», проявляющейся в осмыслении мира, себя и других людей в полярных категориях: безопасный – враждебный, беспомощный – всемогущий. Показательным является положение К. Хорни о компромиссном соединении противоречивых переживаний и стремлений индивида: ощущение себя жертвой чужой воли, но требование, чтобы мир приспособлялся к нему; переживание своей ничтожности наряду с раздражением при указании ему на несамодостаточность [8]. Вследствие этого, наряду с манипулятивной функцией виктимного поведения К. Хорни отмечает функцию психологической защиты: переживание «Я – жертва» поддерживается, поскольку защищает от ненависти к себе, позволяет оправдывать свои поступки [8].

С учетом положений субъектно-средового подхода можно заключить, что виктимная деформация личности проявляется в двух аспектах:

- 1) социальном – в виде дефицита оптимальной социально-психологической дистанции, конструктивной социализирующей интеракции, эмоциональной поддержки [4];
- 2) субъектном – в виде слабости, деформированности границ психологического пространства. С.К. Нартова-Бочавер пишет: «Слабость границ приводит к неспособности человека стать ответственным субъектом своей жизни» [2, с. 104]. Ученые предлагают говорить о депривированной субъектности, субъектной депривации [6, с. 40], депривированной суверенности [7, с. 123] виктимной личности, проявляющейся в неспособности защищать и развивать свое психологическое пространство и склонности некритично подчиняться другим людям.

При этом виктимное поведение может не сопровождаться виктимной деформацией личности. В частности, М. Селигман объясняет такую модель поведения стремлением к жизни, наполненной удовольствиями [5]. Согласно О.О. Андронниковой, виктимное поведение не всегда выступает следствием виктимности, а виктимность необязательно реализуется в виктимном поведении [1]. По мнению А.Б. Серых, виктимное поведение проявляется на индивидуальном (человек рассматривает и позиционирует себя как жертву) или на социальном (при определенных обстоятельствах социальное окружение делает его жертвой) уровне [6, с. 36].

При этом виктимное поведение может носить преднамеренный характер и не быть обусловленным виктимной деформацией личности. С позиции теории обоснованных действий I. Ajzeen и M. Fishbein, демонстрация поведения определяется сочетанием трех переменных: установка в отношении поведения, возможность его осуществить, социальные нормы [14]. В контексте идей указанной теории ролевое виктимное поведение может быть обусловлено знанием о позитивных результатах, которых можно достичь, исполняя роль «жертвы»; наличием норм в социальном окружении, допускающих и поощряющих такое поведение, а также гарантий того, что оно приведет к планируемым результатам.

Выборку исследования, выполненного при финансовой поддержке в рамках международного проекта БРФФИ-РФФИ «Психологическое сопровождение виктимной личности в подростковом и юношеском возрасте: система психологической диагностики и коррекции» (БРФФИ: № Г18Р-298; РФФИ: проект № 18-513-00010), составили 180 подростков (учащиеся 7–9 классов: 88 мальчиков и 92 девочки) и 116 лиц раннего юношеского возраста (учащиеся 10-11 классов: 63 девушки и 53 юноши) учреждений общего среднего образования г. Барановичи.

Диагностика виктимной деформации личности осуществлялась с помощью опросника «Тип ролевой виктимности» М.А. Одинцовой и Н.П. Радчиковой, позволяющего выявлять аутовиктимный, виктимный и гипервиктимные типы личностной деформации. Для определения склонности к виктимному поведению был использован опросник О.О. Андронниковой. Выявление взаимосвязи виктимной деформации личности и склонности к виктимному поведению в подростковом и раннем

юношеском возрасте проводилось в ходе корреляционного анализа данных (коэффициент корреляции Спирмена).

Согласно результатам вычисления критерия различий Мана-Уитни, у девочек подросткового возраста в большей степени, чем у мальчиков выражены виктимная ($U=2569$; $p=0,00$) и гипервиктимная ($U=2873$; $p=0,00$) деформации личности. Девочки в большей степени, чем мальчики идентифицируют себя с жертвами и включают в свой образ «Я» характеристики виктимной личности (беспомощность, бесперспективность, уязвимость, низкая значимость и т.п.).

В раннем юношеском возрасте девушки превосходят юношей не только по уровню выраженности виктимной ($U=745$, $p=0,00$) и гипервиктимной ($U=761,5$, $p=0,00$), но и аутовиктимной ($U=923$, $p=0,00004$) деформации личности. Девочки в большей степени и быстрее овладевают манипулятивными стратегиями, доступными человеку, находящемуся в статусе жертвы, осознают преимущества такого статуса.

В подростковом и раннем юношеском возрастах аутовиктимная деформация личности повышает склонность к таким видам виктимного поведения, как зависимое и беспомощное ($r_{п}=0,47$, $p=0,00$; $r_{ю}=0,34$, $p=0,0002$), некритичное поведение ($r_{п}=0,41$, $p=0,00$; $r_{ю}=0,42$, $p=0,000003$), а также вероятность увеличения травматического опыта нахождения в статусе жертвы и подверженности виктимизирующим воздействиям ($r_{п}=0,41$, $p=0,00$; $r_{ю}=0,19$, $p=0,05$). То есть лицам подросткового и раннего юношеского возраста, рассматривающим себя как жертву, убежденным в своей слабости, беспомощности, уязвимости, неудачливости, демонстративно жалующимся на свое положение в системе отношений, но отличающимся контактностью, общительностью, доброжелательностью, инфантильностью и склонностью манипулировать другими людьми, входя в доверие и располагая к себе, свойственны следующие особенности поведения:

- не способны оказывать противодействие лицам, прибегающим к виктимизирующим воздействиям, защищать свои личностные границы, готовы оправдывать действия агрессора;
- стремятся намеренно вовлекаться в кризисные ситуации, чтобы получать сочувствие и поддержку, сохранять свой статус жертвы;
- занимают конформистскую позицию;
- проявляют неосмотрительность в различных жизненных ситуациях, не способны подходить критично к оценке жизненных обстоятельств, вследствие чего могут легко вовлекаться в асоциальные компании;
- руководствуются сформированной установкой на беспомощность, не желают прилагать усилия и решать собственные трудности без помощи извне.

Таким образом, увеличение социального опыта, формирование мировоззрения, развитие социального интеллекта, наблюдающиеся при переходе от подросткового к раннему юношескому возрасту, не выступают протективными факторами в аспекте содействия снижению уровня виктимности личности и ее приверженности модели виктимного поведения.

Выявлены различия во взаимосвязи аутовиктимной деформации личности с видами виктимного поведения в подростковом и юношеском возрастах.

Аутовиктимные девочки и мальчики подросткового возраста предрасположены к агрессивному виктимному ($r=0,28$, $p=0,00$) и самоповреждающему виктимному поведению ($r=0,28$, $p=0,00$), что не характерно для раннего юношеского возраста. То есть подростки, использующие внешние ресурсы для защиты внутренней проблемы, испытывающие страх перед ответственностью за свою жизнь, манипулирующие своей беспомощностью, считающие себя обессиленной жертвой других людей или ситуации, демонстрируют следующие особенности виктимного поведения:

- проявляют агрессию, если не получают желаемого, или настойчиво, неуместно к контексту ситуации обращаются с просьбами к другим людям, провоцируя их на агрессию;

– причиняют себе физическую или психологическую боль, прибегают к самобичеванию как способу наказания себя, что создает иллюзию контроля психотравмирующей ситуации, или как способу отвлечения от переживаний, связанных с психотравмирующими ситуациями.

Учитывая возрастные особенности подросткового возраста (эмоциональная лабильность, раздражительность, свехкритичность, подверженность буллинговым процессам), агрессивное виктимное поведение невозможно однозначно трактовать как связанное только аутовиктимной деформацией личности. Поскольку оно может быть нормотипичным для подросткового возраста. Вместе с тем, можно констатировать, что аутовиктимная деформация личности обуславливает обращение подростков к инфантильным способам получения желаемого отношения от других людей (снисхождение, необоснованная помощь, уступки и пр.): оскорбления, клевета, провоцирование на агрессивное поведение с целью уличить в жестокости. Это в свою очередь существенно увеличивает риск подростков стать жертвой психологического и физического насилия в межличностных отношениях и обуславливает формирование образа враждебного и несправедливого мира, убежденности в собственной уязвимости, слабости, неспособности контролировать жизненные события и самостоятельно совладать с трудностями. Можно полагать, что подростки, имеющие рентные установки на виктимное поведение, склонны к демонстративным суицидам, нанесению себе порезов с целью манипуляции микросоциальным окружением.

В подростковом и раннем юношеском возрасте виктимная деформация личности повышает склонность к не критичному ($r_n=0,39$, $p=0,00$; $r_{ю}=0,44$, $p=0,000001$), зависимому и беспомощному виктимному поведению ($r_n=0,54$, $p=0,00$; $r_{ю}=0,39$, $p=0,000002$). То есть лица подросткового и раннего юношеского возраста, отличающиеся замкнутостью, высокой личностной уязвимостью, тревожностью, считающие себя аутсайдерами, убежденные в своей ненужности и пространственно-временной неуместности, осознающие свой статус жертвы и страдающие от этого, часто подвергаются ревиктимизации вследствие: выученной беспомощности (наличие предыдущего неуспешного опыта противостояния виктимизации, что обуславливает пассивность и смирение в ситуациях насилия), склонности к идеализации людей и оправданию их деструктивного поведения (не научаются на своих ошибках, не учатся прогнозировать возможную опасность и своевременно принимать превентивные меры).

В подростковом возрасте виктимная деформация личности определяет склонность человека попадать в ситуации виктимизирующих воздействий, расширять свой травматический опыт вследствие неумения регулировать и защищать свое психологическое пространство ($r_n=0,33$, $p=0,00$). У подростков отмечается высокий уровень реализованной виктимности. Подростки с виктимной деформацией личности часто проявляют агрессивное виктимное поведение ($r=0,22$, $p=0,00$), что может быть обусловлено имеющимся у них представлением о мире, как о враждебном (социальное окружение часто выступает источником негативных эмоциональных переживаний), и самоповреждающее виктимное поведение ($r=0,23$, $p=0,00$), что объясняется их интернальным локусом контроля, склонностью рассматривать себя как основную причину травматического прошлого опыта и выраженностью психологического механизма ретрофлексии катарсиса (совершение в отношении себя действий, которые хотел бы совершить по отношению к обидчикам: обвинение, наказание).

При этом в раннем юношеском возрасте закономерность демонстрации агрессивного и самоповреждающего виктимного поведения при наличии виктимной деформации личности не зафиксирована. Таким образом, данная модель виктимного поведения характерна для подросткового возраста: подростки отличаются повышенной самокритичностью, неприятием своего тела, подражательностью. Возрастное изменение отношение к себе, своему физическому «Я», расширение социального опыта виктимной личности обуславливает ее отказ от указанных видов виктимного поведения. Кроме того, не наблюдается устойчивое расширение психотравмирующего опыта в раннем

юношеском возрасте при наличии виктимной деформации личности. Это может быть сопряжено с тем, что виктимная личность, в отличие от аутовиктимной, отличается высокой рефлексивностью своих поступков, открытостью новому опыту, переживанием психологического дискомфорта от нахождения в статусе жертвы и стремлением избавиться от него. Соответственно, работая над собой, она научается замещать в определенном спектре жизненных ситуаций некоторые типы виктимного поведения социально адаптивным поведением (уверенным, асертивным).

Юноши и девушки с виктимной деформацией личности склонны к гиперсоциальному виктимному поведению ($r=0,30$, $p=0,001$), что не характерно для подростков. Они демонстрируют социально одобряемое поведение, борются за восстановление справедливости по отношению к другим людям, принося себя в жертву и понимая возможные деструктивные последствия такого активного просоциального поведения для себя. Склонность к гиперсоциальному виктимному поведению объясняется их стремлением избавиться от навязанной стигмы, образа беспомощного, неавторитетного, слабого человека; проецированием своих переживаний в схожих ситуациях на других людей; активацией психологического механизма профлексии (демонстрация виктимными юношами и девушками по отношению к другим людям поведения, которое они желали бы видеть по отношению к себе со стороны микросоциума: защита, поддержка, помощь).

Гипервиктимная деформация личности определяет склонность как подростков, так и юношей, девушек к зависимому ($r_{п}=0,55$, $p=0,00$; $r_{ю}=0,40$, $p=0,00001$) и некритичному ($r_{п}=0,43$, $p=0,00$; $r_{ю}=0,46$, $p=0,00$) виктимному поведению. Лица подросткового и раннего юношеского возраста, склонные к обвинениям других людей в своих страданиях, раздражению и агрессии, направленной на других, систематически проявляющие эмоции возмущения, отчаяния, уныния при столкновении даже с незначительными трудностями, стремящиеся снять с себя ответственность за происходящее, постоянно обвиняя других людей, считающие мир враждебным и несправедливым, демонстрируют следующие особенности поведения, обуславливающие их ревиктимизацию:

- проявляя неосмотрительность, легкомысленность, не имея устойчивой нравственной позиции, вовлекаются в асоциальные компании и приобщаются к их асоциальным действиям;
- совершают импульсивные поступки, не думая о последствиях и не умея прогнозировать их;
- некритично подходят к просьбам, обращениям со стороны других людей, получаемой от них информации, оказываясь в психотравмирующих ситуациях;
- смиряются с возникающими трудностями или препятствиями на пути удовлетворения потребностей или достижения значимых целей;
- пассивно ожидают помощи извне даже при наличии интеллектуальных, физических и иных ресурсов для решения проблемы;
- постоянно вовлекаются в кризисные ситуации с целью получения сочувствия и поддержки окружающих;
- конформистское поведение, следование за мнением большинства.

Гипервиктимные подростки склонны к агрессивному виктимному ($r=0,27$, $p=0,00$) и самоповреждающему виктимному поведению ($r=0,27$, $p=0,00$). Чем выше уровень гипервиктимности, тем большим является травматический опыт подростков, тем чаще активируется их виктимная предрасположенность ($r=0,40$, $p=0,00$). Подростки, глубоко переживающие свою изолированность, считающие себя хроническими неудачниками, обладающие выраженными ригидными установками на виктимное поведение, часто демонстрирующие свои страдания и несчастья, склонны к агрессивному поведению, ориентированному на себя или на других людей. Согласно теории аутоагрессии К. Хорни, мотивами самоповреждающего поведения гипервиктимной личности можно считать: защиту себя от внешних обвинений посредством обращения к самобичеванию;

страдание как способ получения сочувствия и поддержки, внимания со стороны других людей и удовлетворения фрустрированной социальной потребности в принятии [8].

В раннем юношеском возрасте сохраняется тенденция к агрессивному виктимному поведению ($r=0,17$, $p=0,07$) и склонность попадать в опасные для здоровья ситуации, увеличивая свой травматический опыт ($r=0,18$, $p=0,06$), хотя не является закономерностью, как в подростковом возрасте.

Юноши и девушки с гипервиктимной деформацией личности предрасположены к гиперсоциальному виктимному поведению ($r=0,31$, $p=0,001$). С одной стороны, учитывая характеристики гипервиктимного типа, обращение к гиперсоциальному поведению можно трактовать как бессознательное стремление к подтверждению своего статуса жертвы посредством вовлечения в конфликтные ситуации. С другой стороны, согласно В. А. Kolk, у травмированной личности есть компульсивное неосознаваемое желание попадать в ситуации, напоминающие первоначальную травму с целью получить иной, позитивный, исход ситуации и подтвердить свою способность контролировать жизненные события [15].

Таким образом, подростки с аутовиктимной деформацией личности склонны к таким видам виктимного поведения, как: агрессивное; некритичное; самоповреждающее; зависимое. Виктимная личность раннего юношеского возраста – к некритичному и зависимому виктимному поведению.

Подростки с виктимной деформацией личности склонны к таким видам виктимного поведения, как: некритичное, зависимое, агрессивное, самоповреждающее. Виктимная личность раннего юношеского возраста – к некритичному, зависимому, гиперсоциальному виктимному поведению.

Подростки с гипервиктимной деформацией личности склонны к таким видам виктимного поведения, как: агрессивное, самоповреждающее, зависимое и некритичное. Гипервиктимная личность раннего юношеского возраста – к зависимому, некритичному, гиперсоциальному виктимному поведению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андронникова, О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / О. О. Андронникова; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2005. – 20 с.
2. Нартова-Бочавер, С.К. Психологическое пространство личности [Текст] : монография / С.К. Нартова-Бочавер. – М. : Прометей, 2005. – 312 с.
3. Одинцова, М.А. Типы поведения жертвы. Диагностика ролевой виктимности [Текст] : монография / М.А. Одинцова. – Самара : Бахрах-М, 2013. – 160 с.
4. Руденский, Е.В. Социально-психологическая виктимология личности как психотехническая система социальной терапии виктимной личности [Текст] / Е.В. Руденский // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 3. – С. 162-166.
5. Селигман, М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни [Текст] / М. Селигман. – М. : София, 2006. – 368 с.
6. Серых, А.Б. Формирование готовности педагога к работе с виктимными детьми [Текст] / А.Б. Серых. – Калининград : БИЭФ, 2000. – 156 с.
7. Фоминых, Е.С. Нарушения личностных границ студента-инвалида в контексте его виктимной деформации [Текст] / Е.С. Фоминых // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Педагогические науки. – 2012. – № 1 (65). – С. 122–125.
8. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ [Текст] / К. Хорни. – М. : Прогресс, 1994. – 478 с.
9. Циринг, Д.А. Соотношение личностной беспомощности и смежных с ней психологических феноменов [Текст] / Д.А. Цигир // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – С. 214-218.
10. Чернобровкина, Н.Ю. Особенности ценностно-смысловой сферы личности разного виктимного типа [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Н.Ю. Чернобровкина ; ун-т Российской академии образования. – М., 2013. – 24 с.

11. Яценко, Т.Е. Временная перспектива подростков из городской и сельской местности [Текст] / Т.Е. Яценко, А.Ю. Бутько // Вестник БарГУ. Сер. Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (литературоведение). – 2018. – Вып. 6. – С. 98-104.
12. Яценко, Т.Е. Ориентация виктимных подростков на образ «значимого Другого» как условие их девиктимизации [Текст] / Т.Е. Яценко, Т.И. Лушкевич // Адукацыя і выхаванне. – 2016. – № 10. – С. 26-32.
13. Яценко, Т.Е. Стратегии совладания со стрессом виктимных подростков: типологическая характеристика и условия формирования [Текст] / Т.Е. Яценко // Адукацыя і выхаванне. – 2017. – № 10. – С. 40-47.
14. Fishbein, M. Changin behavior: the reasoned action approach [Text] / M. Fishbein, I. Ajzeen. – New York : Psychology Press, 2010. – 538 p.
15. Van der Kolk, B.A. The Compulsion to Repeat the Trauma: Re-enactment, Revictimization, and Masochism [Electronic resource] / B.A. Van der Kolk // Psychiatric Clinics of North America. – 1989. – Vol. 12, № 2. – P. 389–411. – Mode of access: <http://www.cirp.org/library/psych/vanderkolk/>. – 08.07.2019.

REFERENCES

1. Andronnikova O.O. Psihologicheskie faktory vozniknoveniya viktimnogo povedeniya podrostkov: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Psychological factors of the appearance of victim behavior in adolescents. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Novosibirsk, 2005. 20 p.
2. Nartova-Bochaver S.K. Psihologicheskoe prostranstvo lichnosti: monografiya [Psychological personality space]. Moscow: Prometej, 2005. 312 p.
3. Odincova M.A. Tipy povedeniya zhertvy. Diagnostika rolevoj viktimnosti: monografiya [Types of victim behavior. Diagnostics of role victimization]. Samara: Bahrah-M, 2013. 160 p.
4. Rudenskij E.V. Social'no-psihologicheskaya viktimologiya lichnosti kak psihotekhnicheskaya sistema social'noj terapii viktimnoj lichnosti [Social psychological victimology of personality as a psychotechnical system of social therapy of victim identity]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal [Siberian Pedagogical Journal]*, 2013, no. 3, pp. 162-166.
5. Seligman M. Novaya pozitivnaya psihologiya: nauchnyj vzglyad na schast'e i smysl zhizni [A new positive psychology: a scientific view of happiness and the sense of life]. Moscow: Sofiya, 2006. 368 p.
6. Seryh A.B. Formirovanie gotovnosti pedagoga k rabote s viktimnymi det'mi [Formation of teacher readiness for working with victimized children]. Kaliningrad: BIEF, 2000. 156 p.
7. Fominyh E.S. Narusheniya lichnostnyh granic studenta-invalida v kontekste ego viktimnoj deformacii [Violations of the personal boundaries of a student with a disability in the context of his victim deformation]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Pedagogicheskie nauki [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Pedagogical sciences]*, 2012, no. 1 (65), pp. 122–125.
8. Horni K. Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz [The neurotic personality of our time. Introspection]. Moscow: Progress, 1994. 478 p.
9. Ciring D.A. Sootnoshenie lichnostnoj bespomoshchnosti i smezhnyh s nej psihologicheskikh fenomenov [Correlation of personality helplessness and related psychological phenomena]. *Vestnik Tomskskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2009, no. 329, pp. 214-218.
10. Chernobrovkina N.Yu. Osobennosti cennostno-smyslovoj sfery lichnosti raznogo viktimnogo tipa: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [The peculiarities of the value sense sphere of personality of a different victim type. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2013. 24 p.
11. Yacenko T.E., But'ko A.Yu. Vremennaya perspektiva podrostkov iz gorodskoj i sel'skoj mestnosti [Time perspective of teenagers from urban and rural areas]. *Vestnik BarGU. Ser. Pedagogicheskie nauki. Psihologicheskie nauki. Filologicheskie nauki (literaturovedenie) [Bulletin of BarSU. Ser. Pedagogical sciences. Psychological sciences. Philological sciences (literary criticism)]*, 2018, iss. 6. pp. 98-104.
12. Yacenko T.E., Lushkevich T.I. Orientaciya viktimnyh podrostkov na obraz «znachimogo Drugogo» kak uslovie ih deviktimizacii [Orientation of victim teenagers to the image of the “significant Other” as a condition for their devictimization]. *Adukacyya i vyhavanne [Адукацыя і выхаванне]*, 2016, no. 10, pp. 26-32.
13. Yacenko T.E. Strategii sovladaniya so stressom viktimnyh podrostkov: tipologicheskaya harakteristika i usloviya formirovaniya [Stress coping strategies for victim teenagers: typological characteristics and formation conditions]. *Adukacyya i vyhavanne [Education and up-bringing]*, 2017, no. 10, pp. 40-47.
14. Yatsenko T.E. Strategies for coping with the stress of a victim adolescent: a typological characteristic and conditions of formation. *Adukatsyya i vyzhavanne*, 2017, no. 10, pp. 40–47.
15. Fishbein M., Ajzeen I. Changin behavior: the reasoned action approach. New York: Psychology Press, 2010. 538 p.
16. Van der Kolk B.A. The Compulsion to Repeat the Trauma: Re-enactment, Revictimization, and Masochism. *Psychiatric Clinics of North America*, 1989, vol. 12, no. 2, pp. 389–411. URL: <http://www.cirp.org/library/psych/vanderkolk/> (Accessed 08.07.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Т.Е. Яценко, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии, УО «Барановичский государственный университет», г. Барановичи, Беларусь, e-mail: t.e.yatsenko@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2937-7461.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

T.E. Yatsenka, Ph. D. in Psychology, Associate Professor, Department Chair of Psychology, Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus, e-mail: t.e.yatsenko@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2937-7461.